

ЕСТЬ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА ТРАДИЦИОННОМУ ПОНИМАНИЮ НАКАЗАНИЯ И ТЮРЕМНОЙ ПРАКТИКЕ?

В.М. РОЗИН

Традиционное юридическое понимание конфликта и его разрешения относительно простое – это локальная ситуация, которая в сфере права может быть разрешена процедурами судопроизводства и наказания. Имеет смысл посмотреть, как это представление сложилось исторически.

Первые квазиправовые нормы (как я их называю, чтобы подчеркнуть тот факт, что право еще не сформировалось) появились в Древнем Вавилоне и представляли собой алгоритмы (инструкции), в которых фиксировались особенности ситуации (конфликты, нарушения разного рода), а также санкции, применявшиеся в этих ситуациях). Здесь же зафиксированы первые попытки осмыслить и обосновать характер данных санкций. В законах Хаммурапи ситуация (казус) задается весьма конкретно, проблемы подведения реальной ситуации под такой закон, судя по всему, не было. Более интересным является характер обоснования предписанной санкции, оно строится на идее эквивалентности. Но эквивалентность в древнем мире понималась не рационалистически, а сакрально. Ущерб должен быть компенсирован равным действием («сделать то же, что сделал нарушитель»). В сознании человека древнего мира, вероятно, вставала мысль о том, что личный бог убитого человека (личный бог в Вавилоне – это бог, участвующий в рождении человека и помогающий ему во всех делах на протяжении всей жизни) придет в ярость и нанесет вред общине; чтобы предотвратить такое событие ему в жертву приносили убийцу (именно поэтому за убийство назначалась смерть). С точки зрения современности, понимаемую сакрально эквивалентность можно уподобить правовому принципу, однако с позиции человека культуры древних царств, ничего не знавшего о праве, зато очень много о богах, эквивалентность представляла собой фундаментальный закон жизни, сообщенный богами жрецам.

Таким образом, выход искали в этической плоскости (говоря в данном случае об этике, я не имею в виду современное ее понимание; то, что мы сегодня переводим словом этика, для античного сознания означало область рассуждений о благе, наслаждении, блаженстве, справедливости и т.д.). Аристотель сделал две важные вещи. Он нормирует рассуждения, чтобы стало невозможным доказывать что угодно против существа дела и реальных обстоятельств, и обсуждает тот род бытия, то «начало», которое ха-

рактизует мышление в области рассуждений в суде. Центральное понятие, которое здесь обсуждалось, это понятие «справедливость»; считалось, что, только будучи справедливым, судья («посредник» в споре) принимает правильное решение.

Что же Аристотель имеет в виду, говоря о справедливости? С одной стороны, «следование закону», с другой — «середину ущерба и выгоды». Аристотель бьется над вопросом, как определить, что такое справедливое действие (решение) независимо от его законности. Дело в том, что в Древней Греции законов было относительно мало, они были несовершенны, следовали им не всегда, поэтому Аристотель старался решить вопрос прежде всего в плоскости мышления, создавая для него особую норму — этическую. Определив справедливое как «середину ущерба и выгоды, ограничивающую произвол», как «равное отношение» в суде, Аристотель вроде бы решил задачу, причем в этическом плане. Во всяком случае, он и его последователи так думали. Однако, что такое ущерб или выгода, и как найти середину между ними? Разве эти представления сами не допускают разные толкования?

На основе понятия справедливости Аристотель обсуждает и ряд других, например, понятие преступления.

Только в Риме удалось выйти на работающее понятие права. Очевидно столкнувшись с несправедливыми решениями судей, которые действовали «по Аристотелю», римские граждане — люди свободные и не чуждые власти и в тоже время заинтересованные в поддержке общины (римского народа), начали через голову суда обращаться прямо к властям (преторам). Несправедливыми решения судов были и потому, что действовавшие в тот период законы (Законы двенадцати таблиц, а позже и Законы народного собрания) не покрывали значительную область спорных конфликтных ситуаций, которая к тому же постоянно расширялась по мере развития Республики, а затем и Империи. В этой ситуации власть идет, так сказать, навстречу запросам населения. С одной стороны, она старается упорядочить саму процедуру судопроизводства, введя в нее чиновников, вносивших в протоколы заявления сторон о сущности разбираемого конфликта, иногда чиновники выясняли и ряд обстоятельств дела, на которые ссылались стороны, кроме того, регламентируется на основе правил процедура ведения судебного разбирательства. С другой стороны, преторы создают для судей собственные описания конфликтных ситуаций (формулы), включающие и возможные в этих случаях санкции.

Встав над судом, администратор (претор в римском обществе, позднее канцлер в Англии) действовал привычным для себя образом. Он старался организовать процесс судопроизводства, т.е. установить правила, регламентирующие поведение всех участни-

ков судопроизводства в каждом отдельном с точки зрения администратора случае. Кроме того, претор стремился продемонстрировать справедливость, опять же в административном смысле, т.е. определить одинаковые условия для определенных групп населения и для сходных ситуаций. Понятно, что подобный административный уклон в развитии права обусловил как создание большого числа формул и процессов, так и развитие практики, основанной на правиле прецедента.

Справедливым теперь считалось не столько то, что справедливо, исходя из этических соображений, сколько то, что гарантировано законом и властью, во-первых, в том, что касается властных отношений, во-вторых, в том, что касается отношений, производных от них (гражданские отношения, семейные, имущественные и т.д.). Но и этические соображения и принципы рано или поздно все-таки учитываются при создании правовых норм: как правило, это происходит под давлением новых субъектов власти, которые начинают отвоёвывать у традиционных субъектов правовую территорию. Например, в III в. н.э. в Риме было провозглашено равенство в правоспособности для всех граждан, а не только латинян, другой пример — институт пекулий, наделявший определенными правами рабов. Именно в подобных случаях при создании новых законов и происходит апелляция к этическим принципам.

На первый взгляд может показаться, что римское право полностью разрывает с идеей справедливости, подменяя ее идеей гарантированного властью порядка. Но это не так. Идея справедливости сохраняется и в римском праве. В периоды кризиса власти или самого института юриспруденции именно идея справедливости начинает доминировать в правовом сознании. Напротив, когда властные отношения кристаллизуются и складываются устойчивые экономические и социальные отношения, идея справедливости уходит на второй план, а ее содержание частично снимается в идее гарантированного властью порядка. Получается, что право как бы пульсирует: на первый план выходит то идея справедливости, то идея гарантированного властью порядка.

Средневековое понимание справедливости многое заимствует от античного. В Средние века справедливым в юридическом смысле является то, что соответствует закону, закрепляет и оправдывает властные отношения в обществе, способствует развитию хозяйственной и культурной деятельности. Но в данном случае добавляется новый важный смысл — справедливы такие отношения, которые примиряют сложившиеся социальные позиции, позволяют сосуществовать разным социальным субъектам (церкви, светским властям, городам, отдельным сообществам и пр.). Право, подчеркивает Г. Берман, возникло в ответ на «по-

требность примирить бушующие конфликты внутри церкви, между церковью и светской властью, между разными светскими политиями и внутри них», нужно было «осознать легитимность каждого из противоречащих друг другу элементов (церковного и светского, королевского и феодального, феодального и городского, городского и цехового) и в то же время осознать структурное единство всего общества (Европы, Запада, западного христианства), частью которого они являлись, и найти настоящий синтез»¹.

В Средние века формируется и понимание справедливости, основанное на христианском учении, причем это новое понимание явно испытало на себе юридическое влияние. В этот период существенно меняется представление о чистилище, покаянии и искуплении, которые начинают истолковываться в правовом ключе. Считалось, что до Страшного Суда христианская душа находится в чистилище, пока полностью не очистится страданием. Грехи человека в чистилище взвешиваются, а наказания назначаются соответственно тяжести каждого греха.

В свою очередь, покаяние, которое раньше понималось прежде всего как раскаяние верующего в содеянных грехах и предполагало исповедь и отпущение грехов, стало пониматься как «наказание» за прежние греховные поступки, как отмщение, как страдание души.

Замыкают эти новые христианско-правовые представления размышления св. Ансельма об искуплении.

Это новое понимание справедливости — справедливость требует, чтобы за каждый грех (преступление) было заплачено отмщением и страданием, которые были бы адекватны греховному поступку и нарушенному закону, содержало в себе мину замедленного действия, которая сработала значительно позднее, в Новейшее время. Действительно, для Ансельма проблема правильного измерения отмщения и страдания хотя и с трудом, но все решалась: Бог не мог ошибиться в мере наказания (другое дело, что реально назначал наказание законодатель и судья).

Но в Новое время, когда законодатель уже не мог апеллировать к Творцу, его решения стали выглядеть, по меньшей мере, необоснованными, если не сказать, несправедливыми. Что, например, эквивалентно изнасилованию или клевете — какой срок тюремного заключения или, может быть, смерть, или денежная плата? Не менее трудный вопрос — как измерить боль, страдание человека, сколько человеку нужно страдать, чтобы это было эквивалентно его правонарушению?

Но подчеркнем, в Средние века «считалось, что система различных цен, уплачиваемых за различные нарушения, себя оправдывает. Это была справедливость самого Бога»².

Поставим вопрос, относящийся уже к нашему времени. Эквивалентна ли мера назначаемого судом наказания реальному поступку правонарушителя? Считается, что эквивалентна. Но так ли это? В Древнем мире, как уже отмечалось, принцип эквивалентности был заложен в самом содержании закона. Однако уже в Древней Греции принцип эквивалентности перестает работать. Сократа за безбожие и развращение молодежи (таково было обвинение, предъявленное судом) приговорили к смерти. Но разве смерть эквивалентна безбожию и развращению молодежи? (Аналогично можно спросить, эквивалентны ли сегодня грабеж, насилие или убийство стольким-то годам тюремного заключения?). Ответить на этот вопрос невозможно в принципе, поскольку здесь сравниваются (взвешиваются) абстрактные сущности — смерть и безбожие, смерть и развращение молодежи.

Правовед, естественно, может возразить, говоря, что принцип эквивалентности не перестает работать, он остается ключевым для уголовного права до сих пор. Просто между преступлением и наказанием вводится третья категория, с помощью которой удастся «соразмерить» преступное деяние и способ ответа на него. Так, в XVIII в. тюрьма стала весьма прогрессивным способом наказания, поскольку ввела (в духе рационализма) измеряемый параметр — *срок тюремного заключения*. Вместо различных видов смертной казни (в зависимости от характера преступлений) и телесных наказаний, меру наказания стали «строго» отмерять с помощью срока. И это было, безусловно, актом гуманизации и справедливости, шагом вперед по сравнению с чудовищным отношением к *телу* преступника прежде. Автору сегодня кажется неприемлемым обвинение против Сократа, но ведь надо на это смотреть из античного времени и культуры.

В принципе с этим можно согласиться, но ведь я обсуждаю эту проблему в данном случае не только как философ и культуролог, но и как современник, идя, так сказать, от здравого смысла и разделяемой многими идеи справедливости. На основе каких соображений, начиная с XVIII в., устанавливается наказание? Прежде всего, на основе произвола государства, которое принимает на себя функции демиурга, законодателя, судьи и исполнителя наказания.

«Общинное правосудие, — пишет Ховард Зер, — в своем идеальном проявлении заключалось в переговорах и возмещении ущерба. Суть такого правосудия может быть выражена понятием “*frith*”, бывшем в ходу у германских племен и обозначавшем горизонтальное примирение, основанное на взаимном согласии. В свою очередь государственное правосудие — это “Королевский мир”, правосудие вертикальное, построенное на строгой иерархии, принудительное, карательное».

«Изменения эти произошли не вдруг, не в один день государство захватило судебные полномочия, представители государства внедрялись в обвинительный процесс постепенно. Так, взяв на себя функцию расследования, государство, в конце концов, стало обвинителем. К 1498 году французский закон установил, что король или королевский прокурор являются стороной во всех делах. Начав с претензии на участие в делах, государство, в конце концов, потребовало и полного главенства...

Изменилась не только технология причинения страданий, но и конечная цель. В раннюю эпоху Просвещения объектом наказания было тело, и наказание могло быть очень жестоким. Сегодня тюрьма, по словам французского историка Мишеля Фуко, пытается добраться до души преступника. Американские квакеры, защитники тюрем, верили, что результатом лишения свободы могут стать покаяние и обращение. Более поздние аргументы в пользу тюремного заключения состояли в том, что тюрьма является лабораторией по преобразованию новой личности. Было найдено замечательное разнообразие доводов в пользу тюрем, используемых ради так называемого “целенаправленного страдания” (по словам Н. Кристи)³.

Кроме того, Зер показывает, что современное судопроизводство, построенное на состязательности и применении многочисленных законов и вторичных правовых норм предельно затрудняет для правонарушителя и пострадавшего возможность осознать, что же с ними случилось, а для правонарушителя — раскаться. Затрудняет современное судопроизводство и система исправления и возможность правонарушителю вернуться к нормальной жизни.

«Усвоит ли юноша в тюрьме, — спрашивает Зер, — образцы ненасильственного поведения? Вряд ли. Скорее наоборот, тюрьма научит его еще большей жестокости. Сможет ли общество защититься таким образом? Возможно, но лишь на какое-то время: в конце концов, он выйдет на свободу и тогда, вполне вероятно, будет опаснее, чем до заключения. В тюрьме же он может стать опасным и для своих соседей по камере. Станет ли тюрьма сдерживающим фактором для новых преступлений? Можно спросить о том, удержит ли его заключение других, но более чем сомнительно, что оно скажется таким образом на нем самом»⁴.

В том же ключе пишут российские идеологи и разработчики восстановительного правосудия в России Р. Максудов и М. Флямер.

«Можно даже сказать, что такая политика способствует еще большей криминализации населения и в первую очередь молодежи. По данным Г.И. Забрянского, который проводил анализ судеб различных групп осужденных несовершеннолетних, устойчивость преступного поведения получила наибольшее распространение среди ранее осужденных к лишению свободы. Самой высокой криминальной активностью характеризуются несовершеннолетние, ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы (25% — 27% осужденных к лишению свободы “поставляют” в совокупность осужденных ранее судимых около 40%, а 73 — 75% осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, “постав-

ляют” в эту совокупность немногим более 60%). И хотя применение наказания в виде лишения свободы мотивируется неэффективностью такой меры как условное осуждение, пребывание подростков в колонии показало еще большую неэффективность. Можно условно выделить некоторую цепочку криминализации подростков: совершение преступления — условное наказание вне рамок реабилитационной работы и применения восстановительного способа разрешения криминальной ситуации — совершение второго преступления — лишение свободы — освоение криминальной субкультуры — попадание в криминальный мир.

Для многих исследователей и аналитиков проблемой деятельности правоохранительных органов является усиление карательного подхода... Каким образом карательный подход вписан в жизнь россиян? Почему он молчаливо поддерживается населением и пронизывает всю структуру государственной машины? Наша версия заключается в том, что предметом анализа и определения путей трансформации являются способы, носители и институциональные условия применения силы. Мы считаем, что это одна из наиболее острых проблем, решение которой приведет к обустройству государственности в фокусе признания его обществом. Можно даже высказать гипотезу, что пока эта проблема не будет решена, *власть не будет признана как власть в плане реальной поддержки населением инициатив власти*. Не возникнет и полноценного общества, поскольку именно гражданское общество налагает ограничения на применение силы государственной властью... Правоохранительные органы и прокуратура представляют собой корпорации, культивирующие образцы применения репрессий. Действия милиции — это в некотором смысле модель отношения власти к населению. Терпимость к этим действиям со стороны самых разных социальных групп свидетельствует о “расползании” репрессивности по всему обществу. Если эта модель будет единственной и доминирующей, то она и будет определять содержание социализации молодежи в плане освоения определенных форм взаимоотношений между людьми... Репрессивность есть не одобряемое гражданским обществом применение силы. Необходимо устранить репрессивность как форму реализации властью своих интересов и перевести действия власти в осмысленное и одобряемое обществом применение силы. Пока же мы видим обратную тенденцию (телевизионные журналисты показывают и тем самым поддерживают тактику прямого устрашения милицией населения)»⁵.

Можно привести и еще одно соображение. В целом право как бы зажато между тремя полюсами: справедливостью, *гарантированной властью и законом*, справедливостью, *как ее понимает отдельный человек* (можно ее назвать «персональной») и справедливостью, *декларируемой обществом* (назовем этот тип справедливости «общественным идеалом права»). К сожалению, в настоящее время, правда, не только в нашей стране все эти три типа справедливости вошли в противоречие друг с другом и, кроме того, разными субъектами культуры понимаются по-разному. По сути,

смысл справедливости сегодня вообще плохо просматривается непосредственными участниками правового конфликта, и понятно почему. Что собой представляет конфликт в социальной сфере? Один человек причиняет вред другому: крадет, осуществляет насилие и т.д. Как правило, большинство конфликтов (во всяком, случае в нашей культуре) разрешается вовсе не в сфере права: люди договариваются между собой, обращаются к посредникам или общине, иногда просто избегают разрешать возникшую проблему (поскольку это оказывается себе дороже). Когда же они обращаются в суд, то решение возникшего конфликта опосредуется массой законов и действием непонятной обычному человеку *машин правосудия, намертво спаянной с репрессивным механизмом наказания*. Человеку, оказавшемуся вовлеченным внутрь этой мегамашины (неважно, в каком качестве: обвиняемого или пострадавшего, а часто даже и юристу), неясно, каким образом здесь проясляется и действует справедливость.

Но есть ли альтернатива подобным следствиям, возникающим в рамках действия традиционного правосудия и права? Да, например, идея восстановительного правосудия, где, кстати, именно общество берет дело разрешения конфликта в свои руки. Пытаясь вернуть в правовую плоскость идею справедливости, Х. Зер предлагает обратиться к исходной ситуации социального конфликта, чтобы заново обсудить его смысл и формы разрешения. Он предлагает построить другую процедуру, в которой бы участники правового конфликта могли уяснить его смысл, определить приемлемый для всех способ, контролировать процедуру и характер его разрешения. Конкретно, Зер предлагает свести на посреднической почве (семьи, соседей, общины, правозащитных организаций) правонарушителя и пострадавшего, с тем, чтобы они совместно уяснили и осознали смысл происшедшего с ними, нащупали точки соприкосновения и понимания, выработали план шагов по примирению, направленных на возмещение ущерба, помощи пострадавшему, собственное изменение и развитие. При этом в случае удачного разрешения дела, обвиняемый не подвергается наказанию; под контролем посредников и властей он начинает осуществлять намеченный план примирения.

Зер не ограничивается только пропагандой идей примирения, он идет значительно дальше, пытаясь сформулировать новую, как он пишет, парадигму правосудия, которую он называет «восстановительным правосудием».

«Если преступление, — пишет он, — это причинение вреда, то, что такое правосудие? И снова Библия указывает нам верный путь. Если преступление наносит людям вред, правосудие должно ставить себе целью восстановление справедливости, добрых отношений. Когда совер-

шается зло, основным вопросом должно быть “не как следует поступить с преступником”? или “чего заслуживает преступник”? Вместо этого следует спросить, “что надо сделать для восстановления справедливости”? Вместо определения правосудия как возмездия, мы будем понимать его как восстановление. Если преступление — зло, то правосудие должно исправлять его и способствовать исцелению... Конечно, мы не можем гарантировать полное восстановление, но подлинное правосудие должно поставить себе целью создание условий, в которых этот процесс мог бы начаться... Первоочередной целью правосудия должно быть, следовательно, возмещение ущерба и исцеление пострадавших»⁶.

Чтобы понять, насколько процедура примирения и восстановительного правосудия больше подходят, например, для подростков и молодых людей, рассмотрим сначала особенности подросткового возраста, а затем и некоторые моменты формирования личности правонарушителя.

Подростковая культура начинает формироваться, когда родители (общество) посылают ребенка в школу, где от него, особенно при переходе от начального звена обучения к среднему, требуют действовать самостоятельно. В значительной степени и школа, и родители блокируют теперь для ребенка возможность решать свои проблемы в сфере игры и фантазии (сказки). Напротив, объем обучения постоянно возрастает, а требование действовать рационально становится основным. Существенно изменяются и социальные отношения: вместо родительской опеки и поддержки складываются двусторонние властные (с педагогами и значимыми взрослыми) и равноправные (с друзьями) отношения.

У подростка самостоятельное поведение, опирающееся на собственный образ, часто входит в противоречие с его реальным поведением и отношениями, которые сформировались в этот период. Возникшие при этом проблемы вызывают как негативные переживания, так и особые формы поведения — упрямство, конфликты, отрицание взрослых, самоуничтожение, стремление любой ценой доказать свою значимость и т.п. Но рано или поздно эти проблемы приводят к уточнению или смене образа самого себя, в результате чего начинается новый цикл развития подростка. Через такую неоднократную смену образа себя подросток нащупывает более реалистическую позицию в мире взрослых и осваивает более реалистические формы поведения.

Однако освоение подростками реалистических форм поведения в современной культуре затруднено рядом обстоятельств. Здесь свою роль играют искусство и СМИ, стирающие границы между разными реальностями, а также вымыслом и реальностью, приучающие рассматривать виртуальную жизнь как обычную, а обычную как виртуальную, здесь — новые, допускающие относительность и плюрализм, способы понимания и истолкования жиз-

ни, права и морали, здесь и значительно расширившиеся возможности (и соблазны) социальной жизни, наконец, свой вклад в проблему вносит также общее ощущение кризиса современной культуры, не оставившего в стороне как семью, так и буквально каждого человека.

Сложный характер перехода от одной культуры человека к другой обуславливает и непростые проблемы теоретического объяснения отношений между возрастами. Для нашей темы особенно важно понимание, что подросток — это человек с еще не устоявшимися взглядами, личность, находящаяся в процессе становления, ориентированная, с одной стороны, на значимых других, с другой — на образ себя, конституированный самой личностью.

Но все эти проблемы удваиваются для тех категорий молодых людей, у которых нарушены условия социализации (неблагополучие в семье, влияние криминальных товарищей и среды и пр.) и поэтому не сформировались основные структуры, характерные для нормального развития личности. К сожалению, например, в России это чуть ли не каждый третий молодой человек. Могут ли такие юноши и девушки понять, что они делают и какие последствия проистекают из их противоправных поступков? Если и могут, то или не относят все это к себе, или не считают такие действия значимыми, или даже, напротив осознают их как нормальные и допустимые.

Другой вопрос. В какой мере таких молодых людей с противоправным сознанием можно было бы включить в практику восстановительного правосудия? Но, возможно, более серьезный вопрос, как склонить их к искреннему поведению и отношению, а не имитации того, чего от них хотят юристы и психологи? Наконец, возможно, что для указанной категории лиц нужно создавать совершенно новые реабилитационные практики.

Например, может быть стоит формировать специальные реабилитационные социумы, где бы реальные или потенциальные правонарушители жили *нормальной жизнью* вместе со специалистами (психологами, психиатрами, врачами, социологами, социальными работниками и др.). Там бы они учились, работали, делали карьеру, создавали семьи, рожали детей. При этом среда и условия жизни в этом социуме должны быть устроены так (отдельный вопрос, как этого добиться), чтобы блокировать асоциальные поступки и напротив способствовать тому, чтобы молодые люди постепенно уясняли нормальные социальные требования и обычаи. Большую роль в таком развитии событий играли бы специалисты, которые тоже жили бы здесь нормальной, в данном случае профессиональной жизнью. Отношения между обычным социумом и реабилитационным могут быть различными: напри-

мер, частичная изоляция или возможность для специалистов свободного перехода в обе стороны, при выборочном переходе тех, кто подлежит реабилитации. Понятно, что создание подобного социума сверхдорогое удовольствие, но в десять дороже оставлять без изменения все как есть сегодня.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1998. — С. 164.

² Там же. — С. 191.

³ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. — М., 1998. — С. 136, 129 — 130, 140 — 142.

⁴ Там же. — С. 50.

⁵ Максудов Р., Флямер М. Городская политика и восстановительное правосудие // КЕНТАВР. Вып. 29. — М., 2002. — С. 50 — 52.

⁶ Зер Х. Восстановительное правосудие... — С. 218.

Аннотация

Рассматриваются этапы формирования права и связанного с ним представления о наказании. Хотя наказание должно способствовать восстановлению справедливости и возмещению ущерба, его содержание определяется в значительной степени произвольными санкциями и мстью государства. Сегодня такое понимание наказания подвергается критике. Обсуждаются альтернативные идеи «восстановительного правосудия» и возможность применить их для юных правонарушителей.

Ключевые слова:

Преступление, право, закон, сознание, общество, нормы, институты, суд, личность, реформы.

Summary

Forming stages of law and a connected concept of punishment are considered. Although punishment is to further restoration of justice and reparation of damages, its nature is defined to a great extent by arbitrary sanctions and the State's revenge. Nowadays this interpretation of punishment is being criticized. Alternative ideas are being discussed about 'recovery justice' and the possibility to use them to young law offenders.

Keywords:

Crime, right, law, consciousness, society, standards, institutes, justice, personality, reforms.